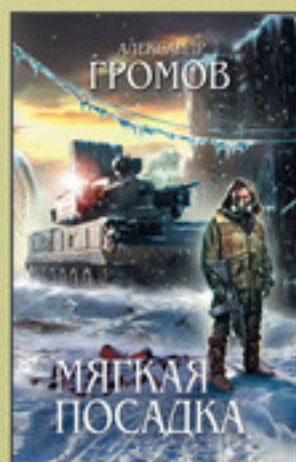

Александр Громов

Такой же, как вы

*Часть сборника
Мягкая посадка (сборник)*

Александр Громов
Такой же, как вы

«ЭКСМО»

1994

Громов А. Н.

Такой же, как вы / А. Н. Громов — «Эксмо», 1994

«Залп! Большая часть мимо, но позади уже кричит раненый. Хуже нет быть раненым. Кто-то не выдержал, ответил на бегу очередью. Зря. Автомат не десинтор, боеприпасы будут нужнее в ближнем бою...»

© Громов А. Н., 1994

© Эксмо, 1994

Александр Громов

Такой же, как вы

– Хэй, хэй, хэй!

Рывок на открытое пространство, бросок через площадь. Барабанный топот ног – справа, слева, сзади. Горячий ветер в хрипящий рот. Нет времени развернуться в цепь, да и не нужно. Расчет на внезапность. Спустя секунды противник опомнится, за эти секунды нужно успеть пробежать как можно больше, хотя бы четверть расстояния до мертвой зоны, где уже не достанут десинторы выродков. Победа неизбежно будет за людьми, вопрос только в том, чего это будет стоить.

– Хэй, хэй, хэй!..

Залп! Большая часть мимо, но позади уже кричит раненый. Хуже нет быть раненым. Кто-то не выдержал, ответил на бегу очередью. Зря. Автомат не десинтор, боеприпасы будут нужнее в ближнем бою. Выродки не выдерживают ближнего боя, чем ближе к ним, тем меньше у них шансов, и они это знают. Если бы не их защитное поле, с ними уже давно было бы покончено, а если бы они могли держать поле непрерывно, а не по полчаса в день, с ними не было бы покончено никогда.

Незадолго до атаки Гуннар лежал за завалом на примыкающей улице и набивал магазин автомата. Патроны в ящике были новенькие, желтые и масляные на ощупь, их было приятно зачерпывать горстью, катать в пальцах, но на воздухе их моментально облепляла копоть. Копоть была повсюду – витала в воздухе как снег, падала с неба жирными хлопьями, сеялась мелкой удушливой пылью, оседая на лицах людей, на мертвых черных развалинах, на стенах уцелевших домов. Копоть и вонь. На окраине города вторую неделю горели и все никак не могли догореть гигантские склады химкомбината; иногда там что-то рвалось, и тогда сумеречное небо над крышами внезапно окрашивалось в неожиданные цвета. Сейчас оно было зеленое, с розовыми сполохами. Кое-где еще продолжали чадить жилые дома, но уже гораздо меньше: огню не дали распространиться по периферии, выгорела только часть примыкающих к центру кварталов. После неудачной попытки выродков прорваться из города к лесу их медленно отжимали обратно, тесня к разрушенному кораблю, развалившемуся при падении три дома на той стороне площади.

Все отделение лежало здесь же, за завалом. В ожидании сигнала к атаке занимались кто чем. Пауль, заткнув за ремень два снаряженных магазина, набивал третий. Братья-близнецы Семен и Луис шепотом вели спор о том, кто такие выродки и откуда они берутся. Бейб старательно тер автомат какой-то тряпкой, но только зря размазывал копоть. Особняком лежал новенький из резерва, заменивший убитого утром Иегуди, и заметно нервничал, поплеывая через завал для поднятия духа. Все северяне какие-то ненормальные, а этот, пожалуй, и вовсе из бывших отклонутиков. За таким не мешало бы присмотреть, а уж о том, чтобы довериться ему в бою, и речи быть не может...

Залп! Кажется, накрыло кого-то справа. Полплощади позади. Далеко за спиной загрохотали пулеметы, над головой заматались трассы, пытаясь нащупать вражеские огневые точки. Бухнула безоткатка. Нет, так толку не будет... Гуннар споткнулся, перепрыгивая через распухший труп, и тут же его обогнали. Дьявол! Нельзя отставать от своих, нельзя ни в коем случае, это почти так же плохо, как быть раненым. Кто не с людьми, тот не имеет права называться человеком. Догнать! Душный воздух клокотал, обжигая легкие. Полон рот слюны пополам с копотью. Сейчас будет еще один залп. Пусть меня не ранят, отчаянно подумал Гуннар, пусть убьют, пусть я останусь на площади раздутым трупом, только пусть не ранят...

Вчера сдалась отрезанная от корабля группа выродков из двадцати человек. Они надеялись, что им сохранят жизнь. Один мальчишка лет четырех был признан годным и отделен от

группы. Мать сильно кричала, не хотела отдавать. Мальчишка будет жить и станет человеком, а ей это не по вкусу. Выродков не поймешь.

Залп! Оранжевый столб возник на том месте, где был Бейб. Ударило воздухом. Близнецы кинулись в сторону, но между ними встал второй столб, и они упали одновременно. Хорошая смерть. Пауля подбросило в воздух и грянуло о мостовую – одежда на нем горела, он извивался. Новичок, казалось, проскочил, он изо всех сил мчался к ближайшему дому, но за его спиной вспухли один за другим два куста оранжевого пламени, и он нырком уткнулся в асфальт и заскреб ногами. Позади кто-то зашелся режущим визгом. Хэй, хэй, хэй!.. Гуннар несея вперед огромными прыжками. Уже близко, в прошлый раз где-то тут была граница мертвой зоны, но выродки постоянно меняют огневые позиции. Они еще на что-то надеются.

Первый корабль был взорван сразу после посадки. Второй, подбитый, тянул над промышленным районом к лесу и свалился почти на центральную площадь города. Две недели войны на истребление – кто кого. Пленных выводили за город и заставляли копать себе яму. Теперь уже ясно, кто кого. Уничтожены десятки и десятки выродков, но кто знает, сколько их еще засело в корабле и окружающих домах? Сколько бы их ни было, они уже не уйдут: их развалина не сможет взлететь.

Ага, теперь-то уж точно мертвая зона! За спиной Гуннара десинторы продолжали подметать площадь, а он проскочил и уже не слышал позади себя топота ног. Он был один в мертвом пространстве. Атака захлебывалась. Слева и сзади густо вставляли оранжевые столбы, а правый фланг наткнулся на кромку защитного поля и уже отходил, отстреливаясь. После утренней атаки защитного поля от выродков никто не ожидал, и вот на тебе... Лезут из кожи вон, кто же знал? Все равно им каюк. Гуннар вихрем пронесся последние метры, прижался к закопченной стене и сплюнул черной слюной. Сердце выскакивало наружу, дышать было нечем, но голова оставалась ясной. Заметили его или не заметили? За дымом и копотью могли не заметить. Плохо остаться одному, совсем плохо. Телу хотелось самоубийственного: броситься назад вслед за отступающими. Телу хотелось жить.

Он медленно двинулся вдоль стены, держа автомат наготове. Заметить его могли только отсюда: двухэтажное здание библиотеки выпирало на площадь уступом. Оно выгорело еще на прошлой неделе, его зажгли ракетой, надеясь, что огонь перекинется на дома, обступившие корабль выродков. Не перекинулся, хотя горело здорово. Эх, не одному бы сюда, хотя бы одним отделением, но где оно, это отделение? Вон лежат. Хорошие были ребята. Люди. Пауля, кажется, кто-то дострелил. Это правильно: лучше быть мертвым, чем выродком.

Шаг. Еще шаг, еще. Лопатки чувствуют стену. Пот лезет в глаза, под мышками противно хлопает. Ага, окно. Прутья решетки вывернулись наружу, как еж, пролезть можно. На фундаменте застыл ручей оконного стекла. Гуннар неслышно перебросил тело через подоконник, метнулся в угол. Прислушался. Нет, показалось. Все тихо, только снаружи еще постреливают. Либо в здании никого нет, либо проморгали выродки Гуннара Толля!

В хранилище было по пояс пепла. Пепел был странный: к потолку от резкого движения взвились очень тонкие черные обрывки и разлетелись, медленно оседая. Невесомый лист спланировал Гуннару на руку и рассыпался от легкого прикосновения. У выродков все не как у людей. Потревоженный пепел колыхался, как море. Сумрачными волноломами торчали покореженные стеллажи, некоторые были оплавлены. Стараясь не очень шуршать, Гуннар поднял повыше автомат и неспешно, как по болоту, пересек хранилище. Дальше был короткий темный коридор и обглоданная огнем узкая лестница на второй этаж – наверное, служебный ход. Откуда-то сверху пробивался свет. На первом этаже оказались еще два горелых хранилища, но опасности оттуда не предвиделось. Следя, чтобы не скрипнуло под ногой, Гуннар медленно поднялся вверх. Здесь уже кто-то побывал после пожара, и совсем недавно: смазанная сажа ступеней и свежие царапины на стенной копоти говорили сами за себя. Похоже, вверх по лестнице волокли что-то громоздкое. Здесь они, здесь... Гуннар задержал дыхание, и ему показало-

лось, что он услышал шорох, но наверняка утверждать было трудно: перестрелка на площади продолжалась. Он мысленно выругался. После неудачной атаки всегда отводят душу стрельбой, а выродкам наплевать. Так... Либо они на крыше, либо в угловой комнате, больше им негде быть. Хэй! Гуннар снес ногой покореженную дверь и тут же столкнулся с выродками нос к носу.

* * *

– Здравствуйте.

– Э-э... здравствуйте. Где это я?

– Успокойтесь, вы среди друзей. Вам помогут.

Человек неуверенно переставлял ноги. Его поддерживали, слева – миловидная женщина в белом халате, справа – санитарный робот.

– Ваша профессия?

Человек наморщил лоб.

– Э-э... знаете ли... Кажется, я... Нет, не помню. – Человек сконфуженно хихикнул. – Совсем не помню. Вот черт...

Крепкий мужчина, стоящий перед ним, не улыбался, смотрел понимающе. И симпатичная врачиха, мягко поддерживающая под пиджачный локоть, тоже смотрела понимающе. А робот смотрел в потолок.

– Ничего страшного, – сказал мужчина. – В каждом третьем случае пациент не может сразу вспомнить свою профессию, так что я не советовал бы вам отчаиваться раньше времени. Сейчас вы вспомните сами, мы будем лишь направлять вас. Итак, вы специалист в области естественных наук?

– Н-нет... Где я?

– Может быть, вы специалист в области медицины? Нет? – Человек мотнул головой. – Или, допустим, в сфере информатики? Тоже нет. А в области права? Вы не юрист?

– Нет. Как я сюда попал?

– Об этом не сейчас, если позволите. Вы среди друзей, и это главное, разве не так? – Мужчина подошел вплотную, широко улыбнулся. Взял вялую руку, пожал, отпустил. – Итак, продолжим. Вы специалист в области техники?

– М-м... Да! Верно!

– Прекрасно. Вот видите, вы вспомнили сами. Теперь нам остается только уточнить вашу техническую специализацию. Вы электронщик? Нет? Механик? Энергетик? Гм... Строитель? Оператор проходческого щита? Тоже нет? Жаль, проходчики нам сейчас нужны позарез. Робототехник?

Человек встрепенулся. Вытер на лбу капли пота.

– Я вижу, вы вспомнили, – кивнул мужчина. – Значит, робототехник?

– Нет, – сказал человек. – Я строитель. Инженер-строитель. Проектирование и строительство мостов, тоннелей и трубопроводов. Извините, больше я ничего не помню.

– Прекрасно. – Мужчина раскрыл блокнот, черкнул что-то. – Следовательно, графу «профессия» можно считать заполненной. Ну, теперь отдыхайте.

Отдыхать? Как, уже?

– Подождите! – Человек рванулся вперед. – Какая там профессия... Вы не поняли: я не помню даже того, как рассчитывается на изгиб мостовая ферма!

– Это неважно. Пройдет время, и вы вспомните. Даю вам слово.

Ну и ну. Здоровенный лоб и добродушный, как штангист-средневес вне помоста. Слово дает. Нужно мне его слово...

– Что со мной было? Я попал в катастрофу?

Дружелюбная улыбка на лице мужчины. Шагнул вперед, несильно хлопнул по плечу – чтобы не сбить с ног. Женская ладонь гладит локоть.

– Ну что вы. Если это называть катастрофой, то мы все в нее попали. Отдыхайте.

– Вы пройдете ускоренный курс адаптации, – мягко сказала женщина. – Все будет хорошо, поверьте нам.

Черт знает что. Разговаривают, будто с душевнобольным. Но приятно. И женщина – красивая.

Очень.

Штангист собрался уходить. Робот заскользил вбок, потянул за собой. В смежном помещении четыре стены и постель, отсюда видно. Женщина выпустила локоть, помахала рукой.

– Э-э... Э! – Человек напрягся. Ноги скользили по полу. – Подождите! Да подождите же, как вас... Я хочу знать: я в своем уме?

– Конечно, – наклонила голову женщина. Мужчина тоже кивнул:

– Случаев помешательства у нас пока что не зарегистрировано.

– Тогда почему я ничего не помню? Где я? Что со мной произошло?

Женщина сделала знак роботу – тот замер, но локтя не выпустил. Мужчина взглянул на часы. Он уже не улыбался.

– С вами ничего не могло произойти. Вы были синтезированы около часа назад. Десять минут назад вы были разбужены, с этого времени и ведите отсчет. И примите наши поздравления.

Бред какой-то... Человек уставился в пол, усваивая. Нет, все равно бред. Не может быть.

– Какие еще поздравления?

– Искренние.

...Врут. Все врут... Зачем?..

– У вас знания и жизненный опыт тридцати семи – сорокалетнего мужчины, – продолжал рокотать Штангист. Врачиха кивала, подтверждая. – Для инженера это самый выгодный и продуктивный возраст. Но биологически вам около тридцати, меньше, к сожалению, нельзя, иначе сами же будете страдать от внутренней дисгармонии... Спешу предупредить ваш вопрос: у вас вовсе не украли тридцать лет, как вы, вероятно, думаете. Продолжительность вашей жизни будет увеличена в соответствии.

Человек ошалело повертел головой.

– Но я и не думал задавать такого вопроса...

– Я знаю. – Голос был уверенным, без нарочитости. Штангист явно знал, о чем говорит. – Вам пришлось бы это в голову немного позже, скорее всего, к вечеру, и вы провели бы беспокойную ночь. Поймите, у нас большой опыт работы с людьми, подобными вам, и поверьте, наш опыт позволяет предсказывать некоторые естественные реакции. Мы видим свою задачу в том, чтобы у наших пациентов не формировалось ненужных комплексов, препятствующих адаптации в нашем обществе. У нас очень гармоничное общество, вы скоро убедитесь в этом сами.

Ну да, подумал человек. Это клиника. Точно. Гармония: пироманьяки, фюреры, агорафобы и отдельная палата для буйных. «А вы знаете, вчера Бонапарт подрался с Конфуцием...» Меня лечат, вот что. Заглушили сознание, гады, и теперь...

– Нет-нет, – возразила женщина. – Совсем не так, как вы думаете. Притом вы бы просто не успели – за десять-то минут. Впрочем, теперь уже одиннадцать... но неважно. Повторяю, вы никогда не были душевнобольным, поверьте нам.

Звучит убедительно. И приятно, что говорит женщина – с мужчиной можно было бы и поспорить по-мужски. А такой женщине хочется только поддакивать. Это они хорошо придумали.

– С чего вы взяли? Я и не думал об этом...

– Вы думали об этом, – засмеялся мужчина. – Зачем же отрицать то, что лежит на поверхности? Отрицайте что-нибудь другое. Поначалу каждому приходит в голову именно это, исключений не бывает и быть не может по причинам, о которых мы поговорим в свое время... Поверьте на слово, наша работа не более чем рутинная процедура, все известно заранее. Не считите за обиду, но мы знаем, о чем вы думаете сейчас, о чем вы будете думать через пять минут, когда именно и на какое время вы станете социально опасным, сколько дней вам потребуется на первичную адаптацию, знаем, когда вы покинете наш «родильный дом», знаем, когда вы в него вернетесь и зачем вы в него вернетесь. Сказать по правде, я вам завидую: мосты все-таки разные. Не люди. Но что поделать, коли родился со специальностью психолога...

Мосты, усмехнулся человек. Рутинная. Да что ты понимаешь в рутине, умник? Предсказать он может – удивил... А когда один и тот же проект, да из года в год... Стоп! Как это он сказал: родился со специальностью?

Мужчина кивнул. Улыбнулся:

– Четыре секунды. Поздравляю, у вас нормальная реакция. Как у всех.

Запершило в горле. Человек откашлялся.

– Я что, не один такой?

– Здесь все такие, – засмеялся Штангист. – Я, кстати, тоже.

– И я, – отозвалась женщина. – Все мы. Только разбужены в разное время. Самым старшим из нас чуть больше трех относительных лет, два с половиной по местному, а самые младшие...

За прозрачной стеной – стеллажи. Ровный металлический блеск груза. Похоже на артиллерийский склад.

– А вот ваш.

Человек повертел в руках металлический стакан.

– Стало быть, вот из этого я и родился?

Добросердечное понимание в глазах женщины.

– Не совсем так. Это всего лишь запал-инициализатор. По окончании синтеза параметры личности автоматически стираются, во избежание случайного дублирования. Теперь он пуст, можете взять на память.

– Спасибо...

А Штангист опять говорит... Помолчал бы он. Вопросы конструирования личности, технология хранения и синтеза... непонятно. И совсем не нужно сейчас. Мы никакие не андроиды, выбросьте из памяти это слово... Ладно. Мы нормальные люди. Мы такие же, как все, даже лучше: конструкция личности исключает наличие скрытых пороков, вызывающих ненужную неудовлетворенность... Приятно слышать. На стеллажах – более семнадцати тысяч «стаканов», в каждом – человеческая личность. Которая как все и даже лучше. Было двадцать тысяч... Двадцать тысяч личностей.

– А зачем?

Снова прикосновение женщины – мягкое, расслабляющее... С ума можно сойти.

– Подойдите к окну.

Попробуй не подойди, когда робот тянет, словно локомотив, и подошвы едут по полу с противным скрипом. Человек попытался упереться – безрезультатно. И просить, чтобы этот железный отпустил руку, очевидно, не стоит – не позволят, видно без очков. Чего им нужно? Но почему бы не подойти, если просят? Тем более что женщина идет рядом. Как ее зовут?

Еще улыбка:

– Вы не на меня, вы в окно смотрите.

В окно так в окно. Человек обвел взглядом незнакомый пейзаж. Н-да. Растрепанные облачка в густо-синем небе, незнакомая растительность по склонам холмов, горная цепь на

горизонте, а над всем этим очень маленький ослепительно-белый диск, глазам больно. Нет, пожалуй, даже красиво, только растительности чересчур, как в тропиках. Что это за место?

– Гавайи? – спросил человек. – Канарские острова?

– Не сорите словами, – неожиданно жестко сказала женщина. Человек вздрогнул. – Вы уже догадались, что это не Земля. Кому вы нужны на Земле, да и мы тоже...

– Клара... – укоризненно прогудел Штангист, – ну зачем же так...

– Да что они все, как маленькие. Землю ему подай... ждали его там, как же.

– Клара...

– Ну простите, простите. Нервы.

Они меня добьют, подумал человек. Сейчас еще скажут, что настоящих людей здесь нет вообще, что мы передовой отряд, призванный освоить эту планету для первых переселенцев, ожидаемых здесь лет через двести. Или через триста. Что мы и наши дети, если они у нас будут, должны выполнить долг перед человечеством, чего бы нам это ни стоило. Мужественным тоном скажут, твердым и уверенным, особенно про долг, и говорить будет, конечно, Штангист... Так и есть.

– Чепуха, – сказал человек. – Я вам не верю.

– Ваше неверие ничего не изменит.

Похоже, что так. Сволочи... Подарили жизнь.

– А меня?.. – рванулся человек. – Меня кто-нибудь спросил?!

– Выбор запала производится автоматически, по случайному закону. Там, где невозможно обеспечить равные права, во всяком случае, полное их равенство, должны быть обеспечены равные шансы. Это основополагающий принцип...

Гады!.. Зубы стиснулись сами собой, до скрипа. Равные шансы стать рабочей скотиной... или так и остаться на складе консервированных мускулов – беспорочной личностью в железной банке. Принцип им! Основополагающий!

– Вы снова не так поняли. Никто не намерен вас принуждать...

Женщина отскочила за работа. Осекшись на полуслове, Штангист выпрямился, смотрел в глаза. И выгадал многое: металлический стакан запала-инициализатора, вместо того чтобы быть пущенным ему в голову, с гулким звоном ахнул в окно. Брызнули осколки стекла.

– Бьющееся, – пояснил Штангист. – Держим специально для снятия стресса.

– С-скоты!.. Мразь! – Человек забился, не давая роботу второй локоть.

– Ну что вы, – серьезно сказал мужчина. – Ведь мы такие же, как вы, уверяю вас. А ведь вы вовсе не скот, разве не так?

– Успокаивающее? – деловито спросил робот.

– Да, обычную дозу. И новое стекло.

* * *

Их было двое, и оба насели раньше, чем Гуннар успел сориентироваться. Один схватился за автомат и начал, сопя, выкручивать из рук, другой плясал сбоку и пытался приладить по голове кулаком. Что могут выродки против человека? Через полторы секунды они уже корчились на полу и, закатив глаза, глотали воздух. Один еще пытался совершать осмысленные телодвижения, и ему пришлось добавить под ребра. Морщась от гадливости, Гуннар обыскал выродков. Личного оружия у них не оказалось, даже ножа, зато у окна стоял и глядел с треноги на площадь настоящий станковый десинтор. Из глубины комнаты Гуннар пробежал взглядом по окнам, быстро оценил позицию. Что ж, неплохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.